

Данила Давыдов

Не рыба

Данила Давыдов

НЕ РЫБА

ВСЕГОНИЧЕГО

2021

Давыдов Данила
ДПЗ Не рыба. – М.: всегоничего, 2021. – 140 с.

ISBN 978-5-6045998-4-6

Данила Давыдов (р. 1977, Москва) – поэт, прозаик, литературный критик. Кандидат филологических наук. Автор 10 книг стихов, книги прозы, книги статей и рецензий. Стихи и проза переведены на двенадцать языков. Трансгуманист, эпистемологический анархист.

На обложке: скульптура Дороты Адриан «Спящий носорог»
на площади Ганса Сакса, Нюрнберг, 2016. Фото: Daniel Karmann/EPA

© Д. Давыдов, текст и иллюстрации, 2021

© Д. Макаровский, дизайн и вёрстка, 2021

© А. Черкасов, дизайн обложки, 2021

© «всегоничего», 2021

...напомним, что *лвмнвл/нвнвл* — это основная дихотомия в чукотской классификации жанров.

Е. М. Мелетинский.
Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона.

ИСПОВЕДЬ ПИСАРЯ

Когда мы вторглись на землю Зо, Властитель был уже тяжело болен. Три лекаря лечили его, и помощью их оказалась ничтожной. Воздух чудовищно колыхался, кони падали, свиньи болели чем-то страшным, есть было нечего, а селение пустовало. Тогда, когда хрипел Властитель, Начальник канцелярии призвал зятя его, господина Эро, и тысячника, господина Тону. Было сказано необходимое. Нам было долго продвигаться, но мы ждали послов. В земле Зо было тоже не ладно, и послов появилось трое. Первый был отвергнут, поскольку проповедовал безумие о едином божестве, но ша Тайена и ша Лиши приняли мои господа, а я лишь записывал. Ша Тайен сказал: наша война не имеет смысла, у вас рознь и у нас рознь. Нужно прекратить войну. При них был младший, Тону, не имеющий права на Ша. Но мы именовали его так. Ша Тону сказал: мой старший брат прав — и рознь есть, и прекратить войну необходимо. Но кто против твоего властелина, Эро? Господин Эро сказал: я буду властелином. Тогда скажи, продолжал Тону, тысячник: кто будет твой властелин? Кто угодно, но не Эро, ответил тот. В горах, продолжал он, живет Изгнанный Сын, господин Вар. И он наш Властелин. Тут князь и тысячник посмотрели друг на друга так, что я никогда не забуду. Но и у вас, сказал Тону, то же самое. Ша Тайен и ша Лиши ненавидят друг друга, и Властитель наш так же при смерти. Я не вижу выхода. Выход есть, сказал Вирэ, мой слуга, из дверей, обе наши армии уже сметены Высшим Посланником Овирэ. Мне сложно пересказывать дальнейшее, я всего лишь писарь.

ПЛОВЕЦ

Они тут раздеваются и плывут. А мне ждать человека. Но я все равно не умею плавать и боюсь обнажать свое тело, так что это развлечение не для меня. Но они ж плавают там, купаются, а я жду человека. А они ныряют, заплывают далеко-далеко, а я жду человека. Они стреляют в мишень, а то и в того — того, с дельфинами. Максимум, что я могу позволить себе — снять пиджак, ботинки, носки. Почувствовать горечь этой теплоты, которая мне недоступна. Почувствовать недостачу. Но вот и он. Это Василич, я думал, будет незнакомый. Но мы и незнакомы. Он передает мне портфель.

КОСМОНАВТ

И вот еще, я все забываю про космонавтов. Встретился мне космонавт. У него была правая нога босая, про левую же вовсе не буду говорить при дамах. Хотя какие ныне дамы? Я ведь помню дам. У дам бывали всякие штуки, и они еще все время обмахивались, обмахивались. Еще к дамам нельзя было просто так подойти, они обыкновенно говорили: фу. Ну или: уйдите. Ну или: я занята. Ну или: у меня сегодня месячные. Это были дамы. А ныне дамы-то, дамы, уж и не дамы, а сотрудники агентства по трудоустройству. Или младшие референты департамента печати и информации. Или старшие. Это не очень даже дамы. Мне вот не нравятся, а космонавту, что я говорю, понравилось. Я ему отдал старые ботинки, благо, живу недалеко. Нога отекала у него, правая, пунцовая вся, — но и это понятно, невесомость, какие там ботинки, наверняка тапочки? Потом он меня попросил временно себя прописать. Я люблю космос, с детства увлекался астрономией. Поэтому сейчас живу на Казанском и с вами говорю, дорогой мой сударь. Он был не космонавт, он был астронавт.

СВИДАНИЕ

Когда она выходит в поле, ждет его, в сущности, ничего не меняется: та же луна, те же звезды, тот же лес вдалеке, — но это только если тучи не застыт горизонт, тогда она и не выходит, а когда выходит, а при том, к примеру, новолуние, света гораздо меньше, и леса не разглядеть, и стога, которые обыкновенно отсвечивают, как фонари, в этот момент предстают просто кучей какого-то гнилого сена, чем, они, по большому счету, и являются; и когда она думает об этом, ей уже его не хочется видеть, и она возвращается домой.

НАБЛЮДАТЕЛЬ

Посмотрите, друзья, на тот вот дом, да-да, вон на тот. Там живет одна девушка, которая не живет, точнее, жила, теперь не живет, да она и вообще уже не живет, но я вообще не о том. В пятом подъезде есть странная привычка не открывать мне дверь, хотя мне там часто оставляют письма, — почему там? — им не надо знать моего настоящего адреса. Зато в третьем живет довольно значительный человек, и за машинами его интересно подглядывать. Сидишь себе на лавке, ничего, вроде бы, не предпринимаешь, но знаешь уже все. Рассказ мой, однако, про четвертый подъезд, куда я порой заходил, еще в студенческие, да что там, в школьные времена. Там живет один очень занимательный человек. Да и вот он, идет, покачивается. Он вряд ли когда подумает, что мы разговариваем о нем.

НЕ РЫБА

Она ест рыбу. И я тоже что-то ем. Посланник запаздывает, в степи холодно и опасно, неизвестно, прибудет ли вообще. А рыба-то в наших реках хороша, чего сказать. Нет больше такой рыбы нигде. Слуга меняет ей блюдо, утирает руки мокрым платком. Надо б задуматься о судьбе посланника, от его сообщения зависит судьба моего народа, но сон важней, ведь без сна я буду бродить и кусать, а кому это нужно, и я требую одного из стражников, требую, чтоб когда посланник прибудет, он разбудил бы меня, но будить меня не нужно, ведь стражник мне тоже снится, она, она тоже, скорее всего, но не рыба, не рыба.

ОХОТНИК

Если вы думаете, что все просто, то все не просто. Вот сосед, украл козу у другого соседа, а тот: а сей против князя говорил! И коза его. Но это не всегда так нужно, и повторять не стоит. Женщина тоже приходит и уходит, и всем хорошо, если не жена. А если жена, то всем плохо. Решать уж нечего, жить надо. А как выйдешь в лес, послушаешь, хорошо, ни жены, ни детей. Учитель-то говорил, что мы стайные, а мне что: я не стайный. Я в лес хочу, белок, не стрелять даже, рука не та, да и глаз не тот, смотреть.

Н Я Н Я

Маленькие, они такие. Они вообще ползают, нельзя из. А если побольше, то и можно. Ну если вот совсем ползают. Я ведь ползал, меня было можно. А теперь я сижу, и вот они ползают, а я сижу. Значит мне можно. Потому что я большой, у меня все большое, и я сам большой, и руки у меня большие, и плечи, и ноги, и то, о чем вот говорить запрещают. А они ползают. А они не интересны мне. Они как личинки. Вот, в саду есть место, где есть личинки. Они сладкие, вкусные, но противные, белые, склизкие. Я знаю, что нельзя, и этим скажу, что нельзя, хотя они как личинки. Гладкие, мерзкие. Ползают. А в саду-то да, там хорошо, там деревья. Но эти вот ползают. Ползают они. Надо бы уйти в сад, в сад уйти, Маргарита Ивановна, зачем это, Маргарита Ивановна.

РАЗМЫШЛЯЮЩИЙ

А вот ты выходишь, скажем, во двор, а там — степь. Хорошо ли это? С одной стороны вроде бы хорошо, поскольку простор, тишина, лишь птица какая посвистывает, да что-то в ковыле гундит. Но где ж перекресток, магнолия, магнит, с другой стороны? Где взять пивка? И тут же к подъезду на шерстяных низеньких конях подсакивают всадники в шапках, говорят: нет пивка, вот кумыс. Тоже очень неплохо.

САМ

Кривовато и усмешливо (как написал бы русский писатель, для которого чтоб оно звеня и подпрыгивая, — дорожке матери и отца) он так-таки и дал мне поразмышлять некоторое время, и даже почти не бил, ведь видно же, что он, образованный, симпатичный человек, во многом со мной сходящийся, — просто не может преступить грань должности, чина, и ведь это не он себе навязал, это ему навязали. А то, что я подписал, мне не навязывали, я подписал сам, сам, сам.

Д Е Д

Ваня говорил, что когда старший его, тоже Иван, Иван Матвеевич, курил чай, то всегда как-то даже духарясь перед этим, а потом, отхаркнув, да и сплюнув порой, коли ромашки много, говорил: «Вы, дети, дети, а мы старики, старики. А вы дети, дети. А мы старики» — и так заманчиво это звучало, Ваня говорил, что хотелось быть дедом, хотелось сплюнуть ромашку.

ШТЫРЬ

Я, говорит, видел и не то. Вот, смотри, штырь. Зачем штырь? Он ведь не это — не пред-ус-мо-трен, так? Штырь стоит. А сказано: штатив. А мне что: палка так палка. А мне говорят штырь, а вообще, антенна. А говорю: во, читайте. Штатив. И потом, сколько ходил, сколько ходил... А ведь премия была... Он натужно расплакался и я, не зная, что сказать, переспросил: штырь? Штырь, ответил он, собравшись. Я дал ему два рубля.

УВОЛЬНЕНИЕ

А вы думаете, что так?—и он не оборачивался, перекладывая какие-то бессмысленные, явственно застарелые папки, думая меня унижить. Но я почему-то не был унижен, совсем не был, хотя боялся именно такой сцены. Вот заявление, сказал я, положил лист на стол. Он обернулся, зыркнул, уперся кулаками о стол, будто так и надо, но теперь уже было не надо, и он не знал, подписать ли то, что он сам потребовал, или продолжать меня воспитывать, когда он уж не имеет никакого на то права. Вы свободны, хотел он сказать, но я и так был свободен, и вдруг он это понял, и как же плохо стало ему, и как же мне стало хорошо, но потом я, не потом, а сразу, устыдился, подумал, он же старше меня, как так можно, а потом подумал, что старше меня всего на семь лет, и какое это имеет значение в нашем возрасте, и я вспомнил дачу, и Андрюху, и Кирилла, и как я к ним перелез через забор и говорю: а в карты, а они, гогоча, куражась, подростки, дрянь, золотая молодежь: в буркозла? в свинью? нет, говорю, давайте просто в переводного, и я у них, блядей, в девять лет, у этих четырнадцатилетних хамов, выиграл, выиграл, вот и ты, подписывай. Подписал.

ГУСИ

Так себе они все, да и эта тоже так себе, и на снаряде так себе, он-то вот летал на снаряде, да не на таком, а прям почти в рейхстаг, и как его потом прославляли, дали орден, и в лагере тоже его уважали, а она ногами круть-круть, будто девка, хотя и девка. А на ведь надо побеждать, надо, чтоб как у товарищей баталова и смоктуновского, но что без атомов, потому что это в дисциплине не отследить, а нам нужно рекорд. На лавочке сумка, в ней вино молдавское, красное, нельзя, можно, нельзя, нельзя, можно, можно, тетка же, можно, и со свистом, без перекрестков, в первую градскую, а родился на селе ведь, а там корова была. И гуси. Гуси были.

ЛАПУШКА

Лапушка вот выросла, и все началось, и все случилось, а потом хоть и выгоняли из дома, но сразу вернули, кровиночка ведь. Жила-жила, а потом умерла. Вот, значит, взяла и умерла, родители потосковали, долго тосковали, не отнимешь, но потом хлев, потом огород, а потом и умерли. Осталась Глаша, ее из дома выгнали, да ее-то с концами, нашелся там дядя один, и пошла она по дорогам. И ходила она босая, и попрошайничала, и отдавала свое тело, пока вдруг, на дороге, не явилась ей Светозарная Лапушка. Что, говорит, сестра, бродишь-попрошайничаешь. А та ей в ноги: спаси, мол, сестра. Хуй тебе, сказала Светозарная Лапушка и исчезла. А Глашу спасли Добродетельные Инопланетяне, они накормили ее творожком, дали чаю, устроили все как надо. А светозарность сестры такова: служила она сотоне, вот.

ВОСХИЩЕНИЕ

А у нас в овине был шепот. А все говорили, что нет его. И Манька когда пошла к стаду, то ее, вишь, потом принесли, и Ваньку потом принесли. И вот был бык, и теперь я в раю. Я князь господств, и мне позволено многое, и даже Лик Его лицезрел. Но где Манька, где Ванька?

РАССТРЕЛ

Красивый был парень Иван Сизых. Служил со мной. Как-то мы головы рубили ихним, а он и говорит: не хорошо рубить головы. Ну и взяли, и расстреляли перед строем. А ведь потом эти оборванки шастали по лагерю, спрашивали, гдэ сизых, гдэ сизых.

ПТИЧКИ

А еще такое вот бывало. Выйдешь в лес, а там деревья. И хорошо как-то. А в шесть надо на инструктаже быть, это вот я помню, но не помню, птички потому что поют. И вот без пятнадцати, и я несусь и сталкиваюсь лбом с подполковником Алексеевым. Птички, товарищ подполковник, спрашиваю, да, говорит он, птички.

ДИНАСТИЯ

Царедворцу надо думать о многом, куда поглядеть, с кем пошептаться, а конюх его чешет кобыле гриву и знает, что ошибется вот, и все, а кобыле-то гриву чесать надо, а там, глядишь, и можно новую династию затеять.

ОБЪЯСНЕНИЕ

И, когда ему нечего было сказать, он смотрел, как она делает вид, что ей, хотя и все кончено, есть что сказать, но и она, глядя на него, думала нечто подобное, хотя и не столько думала, да и он не думал вообще, а просто вился вокруг нее в прибрежной зоне, где так тепло и солнечно, где рыба почти летит сама к твоей пасти, и она тоже чувствовала нечто подобное, поэтому, собственно, смотреть на них было одно удовольствие, особенно отсюда, с небес, где ни земли, ни воды, ни воздуха, только внимание, только совершенное зрение.

ПЕСНЯ

Ух ты, как мы это все. А они-то сидели, думали, так. Нет вот так мы их, что просто зашибись. А потом один наш встал у памятника и начал петь, и так пел, так пел хорошо. А потом они его стрельнули, ну и мы их, конечно. Жалко. песня-то хорошая была, хоть не по-русски, диес ире называлась.

РЫСЬ

Я шел по лесу и думал, что вот не надо бы. Много чего, а этого уж совсем. И довольно, да, довольно. Не молодой вроде уже. А с другой стороны так хочется. И думал я так, пока не встретил рысь.

ЛЮБОВЬ

Птичку кот сожрал, и жаль птичку, но кот свой. Так что пускай ест, хотя это жестоко. Не люблю я жестокости: покоряя планеты, я всегда отворачиваюсь от экрана, когда они их режут. Неприятно это, и вообще, должна царить любовь. Желательно, правда, еще пару систем уничтожить, но все равно, пусть любовь.

ПАТРИОТИЗМ I

Печально, что вновь запустение в полях. Что нивы не ко-
лосятся. Что нельзя на заре выйти из избы, во все горло
прокричать эээхххх, матушка наша! И молочка, а потом
первую, а потом опять молочка. А бабы пусть спят пока,
нам еще сенокос, но тут раздается звонок, и сообщают,
что текст не нужен. Как же это не нужен? А поля, а ко-
лоски? Там оставалось грамм двести, это быстро. Потом
смотреть в экран, босиком по росе, к стогам, к полям.

ОГРАНИЧЕНИЕ

Идиоты вы, что вы вот так все, дураки вот, совсем вот дураки и идиоты, а грубее тоже знаю, только мама говорила не говорить, дураки потому что, дураки.

НИСХОЖДЕНИЕ

Когда Уро устал не быть, он воплотился в какую-то вещь, но вещь эту нашли и потеряли. И Оро спросил: где брат мой Уро? Пришлось ему тоже воплотиться, но поскольку Оро был младше Уро, он был глуп, и потому он воплотился в человека. Присел на камешек, закурил казбек. Подошел солдат. Дай-ка и мне, брат, прикурить. Я не брат тебе, сказал Оро, которого сейчас звали Семен, брат мне Уро. Ну и зря, сказал солдат, и тоскливо дал в морду ему. Потекла по носу кровь, падая на землю, и из каждой капли рождались небесные змеи. Так вот — возникали и взлетали. Солдат сказал: круто. Но я вот что могу. Он почесал голову, извлек вошь, превратил ее в коня, подхватил Семена, и они поскакали. Тебе что вообще нужно? Я брата ищу своего, Уро. Семен, сказал солдат, ты глуп, нет брата твоего. Тебя-то как зовут? Меня зовут Преподноситель Дополнений, сказал солдат.

ЛЮБОВНИК БОГИНИ

Любовник той еще, а она ею бы мечтала быть, выросл-ся бы в ее снах и предстал бы тем, что сказано в мифах, — но нет, ей не нужны эти рога, хвосты и когти, она желает пре-ображенного немедля, вне всякого переходного ритуала, но тут ей вспоминается Рин, старый Рин, боги, как давно не вспоминала, и он говорит: не смей. И она не смеет. А лю-бовник богини меж тем воскрес.

ТАКТИКА

В степи бывает холодно, но это тем, кто не привычен, кто из городов. Шкурой накройся, завернись в детское, будь собой, растворись, стань ящерицей хладнокровной, стань просто землей, растворись, и когда растворишься, встань, перережь горла этим городским, подними своих, тихо и спокойно возьми крепость.

ОТРАВЛЕННЫЙ КОЛОДЕЦ

У колодца отравленного обычно собираются староста да старики, ждут властей. Но тут на беду барин молодой был проездом, веселится, кто отравил? А веселится-то что. Что веселиться-то. А он давай веселиться, шампанское, вот и Марья его, гляди, прибежала. Не то было при старом барине. Тот давай сначала пороть, потом всех одарит. А этот уж Марью на коня подсадил, брандахлыст. А старый-то барин так не развезжал, он на карете развезжал, и если кого пороть, он сразу в избу старосту: Иван Матвеевич, изволь, барин тебя пороть, все с уважением. А этот и давай скакать. Да и ускакал. А колодец-то отравленный. А что, староста, почему, да Йоска говорил, ну тащи Йоску. Отравленный, говоришь? Вот пей. Мы-мы, говорит, а пьет. Пьет. Живой, ну вранье, значит. А Йоска виноват, топить его.

СИЛА ВОЛИ

Его поедали за моей спиной, мне не стоило оборачиваться, вот я и не оборачивался. И что, что друг. Друг. Сколько вместе. Но его поедают, а меня пока нет. А что я могу сделать, обернуться, разве, но я сильный человек, я не обернусь.

ТЕМНЫЕ УГЛЫ

Он был летучий змей, и был так, когда хотел. Но хотеть тоже задача, потому обычно он сидел за столом и разговаривал с темными углами своей комнаты. Крысы, крысы, говорил он, вот, если хочу, я летучий змей, а так что? Крыс-то нет, ушли они давно, а ты все летаешь, отвечали. А кто ж говорит? — он удивленно, как будто в первый раз, ставил бокал, закрывал книгу. Мы углы, мы темные углы. И ни один из нас не желал бы быть летучим змеем. Крысы вот как-то хотели — и что? Где крысы? Где? Улетели, вздыхали темные углы. Он грустил, раздумывая о концентрации воли и желания, потом дремал прямо в кресле, и снились ему улиточка, трансцендентный глашатай и веселый позвонок.

СМС

я што хачу тибe сказат. это вот хачу. ты не
панемаеш, потому что тдура. ая ведь умный

СОШЕСТВИЕ

Когда вот именно этот ангел ступает на землю, всем прочим смешно, потому что ему никогда еще аккуратно ступить не удавалось. И всегда он попадает, спускаясь, в дурацкие места: то в свинарник, то на заседание литературной группы, а то и прям в реку, и турбина гидростанции засасывает, засасывает, а он пытается помахать крылами, смешно ведь. Вот и теперь, отряхивая куриное дерьмо с ног, он случайно превратил эту палку в розовый куст.

ПРИЕЗД

А у ей, кода ходили до ей, всегда бывало, што это, не то, что у ей. А у ей-то не, не надо у ей. Евгений Павлович оглянулся, поднял воротник, ему было неуютно. У ей, говорю, у ей, а не у ей.

ХРОНОКЛАЗМ

Назовем это пустошью. Условно. И, скажем, два собеседника на этой условной пустоши располагают только друг другом и самими собой. Смысл их разговора ясен, ясны стратегические задачи и тактические, ясны психологические приемы. Не ясно лишь одно: почему именно здесь — и именно они? Перенесемся в прошлое. Оно большое такое, прошлое, туда переноситься нелегко, но мы уверимся в некоей точке, почувствуем, что она нас держит, будем там. Младенцы и их матери, и братья их старшие и сестры лежат убитые на дне ямы. Над ямой стоят двое. Ты хочешь еще куда-то перенестись? — спрашивает один. Другой отвечает: Нет. Но они все равно переносятся.

СВЯТОСТЬ

Один юноша, не будем его называть, войдя во храм, не совершил должного. И немедля был растерзан, хотя жрец и призывал повременить. После того жрец, оказавшись у алтаря, долго думал, не имея сил ни к молитве, ни к жертвоприношению. Потом он снял шлем и, давясь, с наслаждением, глотнул швепсу. Служка, бывший при алтаре, наблюдал жреца в высшем молитвенном деянии: тот стоял, воздев руки, неподвижно и каменно. О том рассказывали потом многие поколения.

БИВУАК

Бригадир почесал лоб и сказал: Вы все козлы ароматные. Разрешите обратиться, осмелился Ворчевский, почему ароматные. Потому—что козлы!—взорвался бригадир, сплюнул, и уже спокойней, произнес: что мы видим? а—не развернуты орудия, бэ—не проведена проверка оборудования, вэ—штепсели где, штепсели???. Он опять начал орать, и я вышел из избы. Синее распухающее солнце уже начинало отбрасывать тень, карлик захотел бежать и покрикивали зюйцы, но за ружьем было идти лениво. Я отправился спать в палатку, но спать мне не дали, мне встретился доктор Кривоколенов.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Пиши, сказал Анатолий Валерианович, я сел и начал писать. Очевидность, диктовал он, даже не расхаживая, а как будто бы прогуливаясь по столь замкнутому, где вроде не повернуться, пространству, заключена не в головах и не в социальных отношениях. Но и не в трансцендентальном, о нет!—он воздел перст, и все вокруг будто засветилось, —нет!—он воскрикнул, подбитой птице подобно, и рухнул в заскрипевшее кресло. Нет. Пиши. Очевидность очевидна!—Тут я глянул на Анатолия Валериановича, и мне стало, нет, не страшно, мне показалось, что я мгновенно сбросил бред, длившийся лет восемь или девять, и откинул ручку, и на его стенание: ты что?—даже не произнес ничего, просто вышел туда, где расцветали груши, пели какие-то птички. Но потом мне стало не до груш и не до птичек; вернувшись в келью, я встретил там Анатолия Валериановича, такого же, даже помолодевшего; юный ученик записывал, он же, оглянувшись, шепнул: теперь занято, и даже, вроде бы подмигнул. Мне всего пятьдесят, но жизнь моя разрушена.

КАЗАЧЬИ ПЕСНИ

А дядька еще рассказывал, что у них были поисковые рыбы. Берут, значит, рыбу на цепь — а цепи-то в те года, ох, умели, тонкие, длинные, и давай рыбе плыть, и как что учует, туда и надь. Но они вообще дошли быстро, дядька, говорил, умирали со скуки и просили казачьи им песни петь, пока помирали. Мы пели.

НАСЛЕДНИК

Ребенок резвился, а принц задумывался. Престол мало прельщал его, но и терять позиции не хотелось, поэтому почему-то у няни был к высокоученному принцу вопрос. Они гуляли близ императорских прудов, у нее столько было вопросов. Я отлучусь, сказал принц. И, в самом деле, зачем ему это, если новый принесли уже список. Няню казнили за утонувшего наследника на площади, ей уже срывали кожу с бедер, но принц не присутствовал, он разбирал рукопись, возможно, он наследник, ну и что. Девятый век, редкая копия.

ПОИСК ГЕРОЯ

Когда он возвращался из ссылки, ничего не было. Ну, это неправда, телега была, степь, цыганы, девчонка, которая... Прекрати, кто ты? Я автор этого текста, и ты вот сразу мне стал скушен. А-а!!—пока его кто-то рубит саблями или режет ножом. Дурак он, вот. Дурак, не хочу больше с ним. Тот цыган вот был занятен, но он ускакал.

ДОГОВОР

Бес уже совсем утомился. Какой месяц, дружище, мы с вами уточняем предмет? Не первый, сказал Алексей Авксентьевич, пытаясь потянуть больную ногу. Нет, ну все, все, воскрешение мертвых, солнечная система у людей, абсолютное здоровье, что еще? Я хочу, поскрипывая больным костяком, Алексей Авксентьевич, чтоб вас не стало. Вот так. Я подчиняюсь договору, согласно правилам. И бесов не стало.

ЗИМА БЛИЗКО

А поутру он вышел к реке, вдохнул полной грудью. Даже вот прямо распрямился. Когда они всю ночь обсуждали Ланнистеры или Старки, чуть не убили друг друга, а потом Игорь заснул, он вышел в ночь, но на холоде и перед тем звездным небом, перед пятью лунами и созвездиями Рукоятки и Сердцеда, он наконец нашел решение задачи. Как хорошо отдохнуть на реке, как хорошо. Он сидел до утра, а вот вновь вышел. Надо записать, это ведь даже не знаю как ух. Но Старки-то победят.

ГАРМОНИЯ АБСОЛЮТНОГО РАЗУМА

Но, главное, хочу напомнить: проповедник смешен, его не отличить от безумца или шута, а если не так — то от помутившегося разумом когда-то разумного человека. С тех пор, как мы есть я, сложно выделить то я, что не-я, но всегда найдется такой злопахательный контур, найдется и злость по отношению к нему, а злость при этом станет самостоятельной. Для того ли коллективный разум рос, чтобы какой-то мерзкий грибок, пролезший в щель нашего мозга, мог нарушить гармонию абсолютного разума.

ПАТРИОТИЗМ II

Здесь я лежал, и здесь будут лежать сыновья мои. Это он так сказал, потому что по сценарию. Я что. Он говорит, неси эту дуру, и я перетаскиваю, а что, должна же дура стоять, изображать божество. Даже не папье-маше, какой-то пластик совсем одноразовый. Здесь все у них одноразовое, но Витя говорит: потащили, и тащим. И это хорошо, потому что я рядом, потому что здесь я лежал, и здесь будут лежать сыновья мои.

ИНТЕРВЬЮ

На интервью я не напрашивался, да и он не настаивал особо. Просто так получилось: встретились, поговорили, нашли общий язык. Поехали к друзьям, а на утро, на бульваре, он открыл записную книжку, клянусь, не гаджет какой, не диктофон даже, записную книжку, клянусь, начал записывать. Писал он очень долго, полчаса, не меньше. Ну, время тут течет особо. Что ты пишешь? Да и не знаю сам, встретился, поговорил, это так, фиксация. После чего он убрал ручку, закрыл книжку, и я рассказал ему о полях-полях, а он мне о лесах-лесах, а мимо носились с космической скоростью трамваи, и никто не смел заметить нас. И такие встречи мы лично поминаем всегда по весне, а как у них принято, не очень-то я и понял.

СТАДИЯ ЗЕРКАЛА

Ну, вот прям чтоб ты и я? так вот. Да нет, это же просто архетип, что ли... Кому архетип, а кому каждый день вот так, и, развернувшись, ушел.

КРАСОТА МИРА

Если ты заходишь туда, куда захожу и я, и, однако, понимаешь, что это красота мира, то это не красота мира, сказал он, и вновь закашлялся. По-моему, осторожно заметил я, эту притчу ты мне рассказывал еще тридцать лет назад, когда меня выбросило на остров. Да? — он, полуслепо, умудрился засмеяться глазами, так, как описывала Зоя Воскресенская Ильича. Да. И ты так ни разу и не рассказал — ни к чему притча, ни чем она заканчивается. Да я и забыл. Он тяжело встал, опираясь и на палку, и на плечо правнука, и куда-то ушел, а я сидел, где сидел, и пытался логически простроить смысл сказанного. Не пытайтесь, сказал капитан Шорохов, это внелогично. Вас здесь нет, вы мешаете. Меня здесь нет, но я буду мешать, и не только как воспоминание. Уже начинался день, и жара стала одолевать, и пора было идти в хижину, но я ждал чего-то, но лишь ящерицы бегали у ног. Близ хижины меня ждал правнук колдуна. История простая, сказала дитя, ты не заходи просто, останься просто вне, там все равно нет ничего, кроме ложных отблесков и мокриц. Я начал что-то понимать, но это, вероятно, был тепловой удар, — я, задумавшись, не прикрыл голову, и когда очнулся, увидел все того же юного туземца. Он знает, сказала дитя, что ты сделал так, чтобы шхуна не смогла причалить. Капитана Шорохова нет и не будет никогда, но теперь я твой капитан Шорохов.

СООБЩЕНИЕ

Ему было хорошо на острове, наверно, впервые хорошо, и никуда отсюда уплыть не хотелось, но он из оставшегося запаса всегда изымал какой-либо стеклянный сосуд, как кончились бутылки, в дело пошли всевозможные пробирки покойного доктора, а если и те закончатся, он напишет на коре дерева, и ее тоже отпустит в океан. Он разумно не ожидал никакого ответа, никакой реакции, его радовало лишь то, как от года к году он совершенствует форму сообщения. В конце концов, он давно уже нашел целую вполне туземную лодку с другой стороны острова, но процесс формулировки сообщения не оставлял ему выбора, да он и не хотел выбора. Пели птицы, кричали обезьяны, вставало солнце, рассветный океан был прекрасен.

ОВРАГ

Все вы забыли меня, сказал Петя, и упал в овраг. Мы веселились. Никита что, он Никита. А Сеня давай того. И все того. А я устал, сижу, и вдруг Никита. Зачем мы здесь? Он всегда у нас был дурачок. И не знаю, что сказать, но тут крики Петя, Петя! Хоронили его в среду.

ПЛАСТИК

Так вот так, сказал ты? Так вот так, сказал я. Молчали. Может, курили, а может и нет, но точно смотрели глаза в глаза, и это было так неприятно, будто и не дружны двадцать лет. Самое отвратительное, нельзя перевести разговор на другую тему, хотя Леночка уже и, и надо бы понять. И он не знает про Марь Михаловну. Налью. У тебя пластик в стакане, сказал он. Спасибо, сказал я и вынул кусок пластика.

ИСПОВЕДАНИЕ

Но он исповедовал, что исповедовал, потому продолжал идти. Если бы посмотрели со стороны на это, то мы удивились бы его упорству. Если бы мы еще более отделились, то и вовсе ничего бы не заметили.

ТРИ ТОВАРИЩА

Ему были не интересны ни цвет кожи, ни гендерное самоопределение, когда он, как ребенок, умер, уткнув голову между ее ног. Это не я написал, товарищ Константинов. Капитан почесал затылок, посмотрел в окно. Помнишь, как мы с тобой: заря / всего лишь / знак / наступающего / а не заря. Помнишь? Тот сидел, потупившись. Ну хорошо, капитан нервно расхаживал по кабинету, со мной-то понятно, но ты зачем такой подонок? Мне нужно денег. А Славкину память не жалко? Он дал ему какую-то бумажку, отпустил вон. Мне-то что, я птица, я птица, я вижу это в окне, и никакой она не была не трансгендер, просто милая девушка, а чтоб и трансгендер, птица ведь я.

ВЫЕЗДНАЯ СЕССИЯ

На вопрос студента профессор отвечать не стал. Кто-то думал об оскорблении, но профессора не могли найти дни, месяцы. Лет через пять успешный уже юрист Валентин Куроедов, стирая пот со лба, увидел профессора, проповедующего рыбам. У Валентина это была первая выездная сессия, он не стал обращать внимания.

ПРОБЛЕМЫ РЕДАКТУРЫ ПЕРЕВОДА

Пустых людей не бывает, говорил Леро, посмеиваясь. Скажи, осмелился Нира, а что за наполнение их? Они полны либо умом, либо говном, но бывают и смеси. Спор, как бы это поприличнее перевести, закончился расстрелом и П.Н. Пляшкина и Э.С. Моненгольма. Потом санскрита никто не знал, а как стало можно, напечатали перевод Устьялова.

УСПЕХИ АНТАРКТИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ I

Когда профессор Фрунель высадился на льдину, съемочная группа уже его ожидала. Как сейчас помню: Левин, Сергей-ченко, Тер-Ваязян, Джонс. Надежные ребята. Я ждал нашего вертолета, где он? Профессор рассказывал под камеры: ...и вот, вот мы раскопали... Звонок. Вертолет сбит. Программа В. Надо это нажать. Все погибнут. Я отключаю электричество, и Фрунфель внезапно молчит. Не надо, кричу я. И тут откуда-то появляются, стреляют, я умираю. Но просыпаюсь. Там тени и только тени, и они говорят: ты правильно сделал, прощай. И тут я совсем умираю.

УСПЕХИ ПРИВОЛЖСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ I

Как мы копнули, так и полезли. Ну, давай их лопатами, Ваня орет: чеснок, чеснок! Лезем в схрон, а там надпись: нельзя. Ну, это не я лазил, мне рассказывали.

ИСПОВЕДЬ I

Шерсть воруют, зачем-то говорил Василий, такой, че возьмешь, исповедовал его, помню как щас, семерых же убил, а он шерсть воруют, шерсть воруют.

РУССКАЯ РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОЗА I

Профессор Клавушкин, писал я, умер, и тело его лежало, будто груда тряпья. Брат-близнец профессора Клавушкина, писал я, и тоже профессор, и тоже Клавушкин, подошел, потрогал, сказал: цирроз. Смеркалось. Это я не писал, это действительно, как ни странно смеркалось, и я вот даже и не знал, что делать. Писать статью и нажраться или нажраться и писать статью. Хотелось воздуха, легкости, какого-то такого бальмонта, но на душе лежал ходасевич и злорадно ее поедал. Я начал звонить, довольно произвольно, и, странным образом, набрал одноклассника, с которым не видался вот с тех пор. И он сидел с милой юной женой и мамой в кафе совсем рядом, а мама его, я помню, говорила тогда, не надо вот с этими, а надо вот с этими. Поэтому близнец профессора Клавушкина, профессор Клавушкин, взрезает живот трупа, вынимает органы, пожирает их, становится на колени, воеет, писал я, и воеет так, будто луна полная, но нет, она в первой четверти.

ОТМЩЕНИЕ

Лиза и была бы гениальной пианисткой, но после того как ей пальцы рук поломали Пашка с друзьями, работа была только в музыкальной школе. К тому времени Бергеры-старшие умерли, и собственно, кроме предложения Аристарха Леонидовича ничего не оставалось. Странно было житье здесь, но она привыкла. Когда к ней приходили дети с соседнего хутора, она рассказывала, что могла, и играла, что могла. Узнав про эту историю, я плакал, няня утешала меня, и, придя к власти, я приказал оккупировать Титан.

ЭПИЗОД ИСТОРИИ АСТРОНАВТИКИ I

Когда Ли и Джес впервые вышли в открытый космос, объявили метеоритную тревогу, и это было так увлекательно. Старый, шестидесятисемилетний Ли писал, помнится в известных «Очерках о...», как восхитил его восход Проксимы в свете близнецов. Я помню, говорила бабушка, что Джес училась с ней в одном классе: была показательной ученицей, очень хорошенькой. Я не говорил бабушке, да и теткам не говорил то, что знаю исключительно в служебных целях, поскольку ведь в каждом учебнике написано, как Ли не смог удержать Джес.

УЧЕНИЕ ТОВАРИЩА ТРАБЛЕ

На площади Огюста Барнаутдинова стоит памятник Ивану-Иммануилу Трабле, спасителю планеты. Бронзовый, с прекрасной своей бородой, столетие уже взирает на мир. Мир, лишенный хапсов и чветов, злобных инопланетных чудовищ, хотевших лишить нас жизни, мир, прекрасный тем, что философия Трабле обрела закон в Колонии Сигма. Мы распространим этот закон, рано или поздно, среди других людей, дойдем и до прародины, ведь и там надо опасаться хапсов и чветов. В нашей лаборатории есть отдел, где работает мой друг Базиль. Он говорит, что у них содержатся двое пожилых чветов, они математики, они исчислили механизмы энтропии цивилизаций, очень милые существа, говорит Базиль. Я не верю Базилю, я написал про него служебную записку Жаку-Луи, и я верю в человечество, только в человечество, только в человечество.

ЗАПАХИ, ФИГУРНОЕ КАТАНИЕ, ДЕТСТВО, ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

Свете Богдановой

Советская средней руки интеллигенция тоже любила смотреть фигурное катание, но увлечь меня было этим сложно. Проникнув в теткину комнату, я нашел шкафчик. У меня, позже, был набор юный химик, мало что кого учит, но прежде, прежде, я вылил на себя все это дело и наслаждался, тогда у меня не был сломан нос, тогда все было проще, но тут истерика, а там Котов! Котов! Мне, в общем, сошло с рук, но с тех пор я категорически не люблю парфюм, то ли дело портянки в казарме, когда ты не в казарме, а перед столом, где тебе докладывают, и да, ты вынужден использовать парфюм.

ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ

Но, впрочем, и они. Не хотелось бы. Между прочим, там получают они странные всякие. Вещества не знаю, нет, видал бы, и книги они не носят. Они разговаривают. Вы не понимаете, Сергей Никифорович, он ведь безумец, он просто запоминает названия и вставляет в свой бред. Он безумец. Они разговаривают, старая книга, очень давней эпохи. Да, сказал Сергей Никифорович, потягиваясь, он того. Но запомнил ведь. А может и в той что-то такое, а, есть? Иван Матвеевич, подумайте, а! содержится что-то дурное. Нет, ну понятно, этого в ложе, а нам на ложе, мне хотелось отвернуться, я всего лишь секретарь, но вы – вы! подумайте. Кряхтя, приподнялся, задом сбил ценную штуку, свалил. Ваня, тезка, подошел ко мне Иван Матвеевич, с какой-то мне незнакомой доселе интонацией, ты-то хоть понимаешь? Я служу вам граф, сказал я, поклонившись, и он ушел, растерянно махая пьяными руками. Я взял рукопись, упаковал, и вот отправляю Вам, сударь, ибо только мое верное служение есть порука моей жизни.

ПОЧЕМУ Я НЕ КОЛЯДИНА?

Лаптем ел ендову боярин хрыч, будто и Аверченко с Хармсом не читал. Поп кадил кадилом, ходил ходилом. Утомительно это, сказал некто, недосткунутое большевиками пенсне. Ученик мой любимый, напиши, что ль, что-то вроде того.

ДЯДЯ КОЛЯ

Я помню, дядя Коля, что с дядей Витей собирал грибы, про дядю Витю отдельно, он говорил «дай покой», кормил картошкой, показал места, маме и тетке не показал, а мне показал. Дядя Коля, да, он такой взвинченный был, говорил, пойдем покурим. Во дворе говорил, они сидели оба, ну так, оборудование. Ну вот, дача. Дядя Коля говорил: пойдем покурим, а что мне курить, мне шесть лет, воруют, смотря на соседей, говорит. А мы, спрашиваю. А тут не воруют, пойдем покурим. Собственно, я хотел рассказать, как мы уговорили Лизу с 14-го участка вызвать единорога, и как прекрасно было смотреть на его шерсть, но я увлекся.

СУДЬБА ПИРАТА

—Дениска, я потерял свой зуб, ты в рюкзаке поищи.

Детский крик: нет.

И тут связь прервалась.

ПЕДАГОГИКА I

Интересно вот, думал Константин Петрович, прогуливаясь. Его скафандр был изысканно-лиловатым, что ныне модно на Бете Восемь; на Сигме Три, где господствуют постпостпострастаферианцы, нравы скромней. Его шаг был легкий, он мечтал обладать Аглаей Михайловной, изысканной хозяйкой имперского очистительного коллектора. Интересно, думал наш герой, как оно там? И впрямь, там ведь придется ему побывать, когда обвиненный в измене и предательстве, он на обнаженных плечах будет цепи носить, и тачку толкать, и руду рубить, рубить, добывая уран, и скоро умрет весь в язвах. Профессор Д.Н. Терлявочкин, автор знаменитого труда о психологическом подавлении раба, отмечал и тот странный переход, когда человек-человек, но уж не человек. Умер, он, впрочем, раньше, чем начались гонения на психологов.

УТРЕННИЕ ЭТЮДЫ I

Пока мы живы, думал полковник Р., идя на расстрел, стоит представить, что одни люди подразумевают в других лишь инженерные сооружения либо продукты химической реакции, другие же видят в первых шепот, шорох, всю эту волосистую и мясную плоть небытия. Было холодно, он поднял воротник, ему позволено было умереть в форме.

УТРЕННИЕ ЭТЮДЫ II

В то же время он и отличался от тех парней, которых он привык когда-то наблюдать, а после отвык, а после привык снова, и даже с какой-то долей грусти думал: хорошо им, сели-вышли, сели-вышли, а мне каково,—и при том всего лишь семнадцать рублей, семнадцать, и было понятно, что не жалко, но он сказал, что денег у него нет, у него и не было денег как физических объектов, а как информационных—были, да. Ну не идти же снимать, и он помнил, как они считали его скорей шутком, нежели вождем, но они все отсидели, и он мог ходить в своем районе хоть в три часа ночи, не беспокоясь. Телефон зазвонил вот как надо. Полицейским было не важно. Женская консультация, где украли ребенка, безмолвствовала. Но ветер начинал подниматься, и это ему, черт возьми, нравилось.

ПЕДАГОГИКА II

Просто так-то они ничего себя ведут, а когда вдруг уставят-ся в этот вот солнечный круг, его рисовал Игорь Петрович, помню, я тогда еще санитаром был. Мрачный был старик, и вообще, лучше и не затевал бы, пока Вася плюется в солнечный круг, а Коля похихикивает. Надо звать Захаровну, один не справлюсь.

МЫ, РЕПТИЛИИ

Мы, рептилии, наслаждаемся нашей весенней кожей на ладонях: если по ней проводить пальцем в правильном ритме, то будет будто новогодний, крепкий, хрустящий под ботинками снег.

ПРАВДА

Вы хотите правду, ну вот вам правда. Я жил с бабой одной, а этот мужик заходил на хутор, вязался там с кем-то. Мать говорила мне: не пускай в дом чужого и своего, не обещай, но и не делай. Так я стал властителем этих мест, а мужик приноворился ходить. Я во дворе как-то ему: ты что тут? А он, простите, мол, хозяин, не приду больше. И вот правда не пришел, а я жду. Я очень его жду.

Б Л Ю З

Олег был хороший собеседник, но что-то было будто заторможено в нем. Мы слушали одну питерскую барышню, которая исполняла что-то блюзовое, старое. Олег консерваторский, он почти каждую секунду говорил: лагает. Я не выдержал в какой-то момент, сказал, это тебе, блядь, не грэмми, это кабацкая музыка, здесь можно и нужно лагать. Олег промолчал, потом сказал: вчера умерла мама. И мы еще выпили.

ЭПИЗОД В СЕВЕРНОЙ РОДЕЗИИ

Мистер Уильямс? спросил джентльмен, появившийся будто из ниоткуда. Я Сэнди Смит, и я рад пожать вашу руку. Знаменитый путешественник пожал руку новому знакомому. У нас тут раскопки, мы, похоже, нашли следы человека упрямого — это то самое недостающее звено! Из-за кустов раздавались странные звуки. Что это, мистер Смит? спросил выдающийся первооткрыватель. Это ебут ебанутых, не обращайтесь внимания, сэр. Капитан Грегори, мистер Уильямс обратился к своему постоянному спутнику, не кажется ли вам, что здесь есть некая тавтология. Вы как всегда проницательны, мой дорогой друг, ответил капитан, достал записную книжечку и зафиксировал свой диалог с великим человеком.

КАРЬЕРА

В детстве она читала Янссон и Милна, Корчака и Линдгрен, но потом как-то так получилось, что стало удобно работать в некоем министерстве. Ее подпись означала смерть, но она не видела своих жертв и, лежа вечером в ванной, слушала музыку своего детства. Она, в сущности, была сентиментальна, и дочь, рожденную от одного полковника, назвала Алисой.

ПОДГОТОВКА

Поскольку Ванечка готовился в будущем стать военным преступником, он внимательно изучал литературу. Йодль, Кейтель и Дениц ему скорее нравились, а вот Геринг и Кальтенбруннер совершенно не нравились. Еще он писал в социальных сетях много горькой правды о родине и получил юношеский разряд по шашкам. Когда за химию ему поставили двойку, отец порол Ванечку ремнем, и Ванечка кричал: фашисты, батя, фашисты.

РАССКАЗ, НЕОБХОДИМЫЙ ДЛЯ УСПОКОЕНИЯ УМА И СЕРДЦА

Когда Иов был лишен детей и жен, одна из дочерей, Лия, спаслась — ее забрали дружелюбные марсиане. На Марсе живут долго и медленно, она училась понемногу и вот, в 1997-м году, субпространственная транспортиция привела ее в Кузьминки. Она села и осмотрелась.

Петров был похмелен и сидел напротив. Он увидел красивую девочку явно семитской внешности и решил, что надо б, но сил не было. И денег у него тоже не было.

В это время Оленька ждала Сашулю, но из-за угла появился Какуев, и это было совсем ни к чему. Какуев, шел бы ты, сказала Оленька. Я просто так, я просто проходил, ответил Какуев, и в самом деле пошел дальше, но по пути ему встретился поэт Ведерников, покоривший 43-й километр. Я тоже не пишу стихов, сказал Какуев, и мне больно, поскольку там Оленька. Это ничего, ответил милый юноша Захар, спутник поэта, мы тоже не очень в себе.

Лия почесала нос. Она не привыкла к московским комарам. Петров решил подойти. Девушка, спросил он, вы не против просто поболтать с похмельным философом. Лия неоднозначно кивнула головой — наверно, она была бы и не против, но, увы, не знала русского языка.

Между тем профессор Эрнестявис поставил столь жуткий эксперимент, что о нем мог бы сообщить только полковник Жупелов, но ему нельзя, это государственная тайна.

СОВЕСТЬ

Они встретились ранней весной опять, и что-то опять не заладилось. При том все было не только мирно, но даже и нежно. Но сохранять иллюзии, осознавая изначальную невозможность, когда единственный из триллиона шансов был глупо пропущен в прошлый раз, заново? Нет. И это запрещает не статистика, это запрещает совесть.

ИНСТРУКТАЖ

Удивительно, сказал майор Шпаков, закуривая, до чего ж люди склонны сообщать о себе информацию, даже самую интимную, без всякого принуждения, допроса, тем более пыток, даже вне особого там какого-то пронизательного разговора. Учитесь, Гарунов, видеть человека насквозь, это пригодится более всего. Теперь свободны, идите. Гарунов ушел к себе в кабинет, припоминая, как майор двигал ноздрями, как он жадно заглатывал дым, как он покровительственно и грубо говорил, какие у него сальные волосы, как у него было все напряжено ниже пояса, как у него блестели и бегали глаза. Гарунову было двадцать, он был хорош собой, и он знал, что напишет на майора.

ПРОВЕРКА

Оружие было Императору не нужно: он умел уничтожать взглядом, и не в переносном смысле, а в прямом. Император помнил лишь один случай, когда его свойство не сработало: один проповедник смотрел на него, не отрываясь, и возникло даже какое-то незнакомое смущение. Проповедника скоро казнили, но Император переживал некоторое время, и проверял, работает ли, и проверял, и проверял.

МОНОЛОГ I

Что у меня нового? Ничего, собственно. Умиравший по-маленьку физический объект, слушающий арию Кармен в исполнении Гаранчи и готовящийся к некоему интервью. Зачем меня спрашивать, что у меня нового. Нет и не будет ничего у меня нового.

ИЗ РЕДАКТОРСКОЙ ПРАКТИКИ

Иван Евграфович, произнес устало редактор. Да, вы создаете нам тиражи, но почему и в этом романе та же схема. Тихий невысокий мужчина с усами щеткой сказал твердо: потому что не закрыт гештальт. Ну, редактор почти взвыл, но при чем здесь текст? Вы сами говорите, что я важный для вас автор, ответил Иван Евграфович, если не нравится, могу уйти в ООО «Руби-копай». Нет, не надо туда! Но смотрите! Вот вы пишете: «Элеонора Шмерц вздернула на крюк трансваальца и после долго глумилась». Вы пишете, да? Да, эта фраза мне кажется превосходной. Но в романе «Борьба с отсутствующим врагом» вы совершенно верно заметили, что надо знать детали — устами героя, а после лейтенант Пигало вздернула некоего хичианина на трансфониру. Не есть ли это самоповтор. Я чувствую, сказал Иван Евграфович, что вы меня не понимаете. Я пойду к главному. Нет, не надо! Но вспомните, какую прозу вы писали лет двадцать назад. Лет двадцать назад, отчеканил Иван Евграфович, у меня не было кредитов даже на портянки. В соседнем кабинете кто-то поставил «Мизогинический вальс» Солароида-П7. Вот, ухватился редактор, мелодия, касающаяся человеческих чувств, а пишет-то кто? Нейросеть? А вы просидели треть века в комнате, пишете про то, чего не знаете... Я устал, сказал Иван Евграфович, снял маску. Перед редактором был Жуконосец 3-й категории. Как я от вас устал. Мы хотели внедриться, но вы невыносимы. Он бросил маску в угол и чеканным шагом удалился. Редактор обхватил голову руками. Он не был ни чужим, ни роботом, и книги продавались все хуже.

КОВЕР

Странно вспомнить год двенадцатый, камин, ступни хозяев у лица. Когда произошла революция, товарищ Вулин потребовал, чтоб все генинженерные организмы обрели человеческий облик. На это пошла большая часть денег республики, поэтому при начале интервенции средств не хватило, товарищи Вулин, Знаверович, Жексон, Раванданат и другие переместили столицу на Титан, а я там же и в прежней должности, целую ноги господам, но когда я был ковер, это было лучше.

ПАРАФРАЗ ПРИТЧИ КАТУЛЛА ИЗ «МАРТОВСКИХ ИД» Т. УАЙЛДЕРА

Петя что. Он у нас ваще дурной. Но дурной-дурной, а рыбу тащит, прямь засунет в озеро руку, и вот. Да Васька-малец дурак-дураком, бегаеи себе по двору, пузыри мыльные пускает, а те летят, да вот и превращаются. Еще Кузьмич есть, так он совсем глухой, у него на кузнице вещи сами к нему в руки идут, видал, а что куеи, то уж повидай такого. Староста наш, Никодим, жирный, переваливается, а как запоет—все птицы слетятся. Вот и я такой же дурак, только сказки мастер рассказывать.

СПАСЕНИЕ

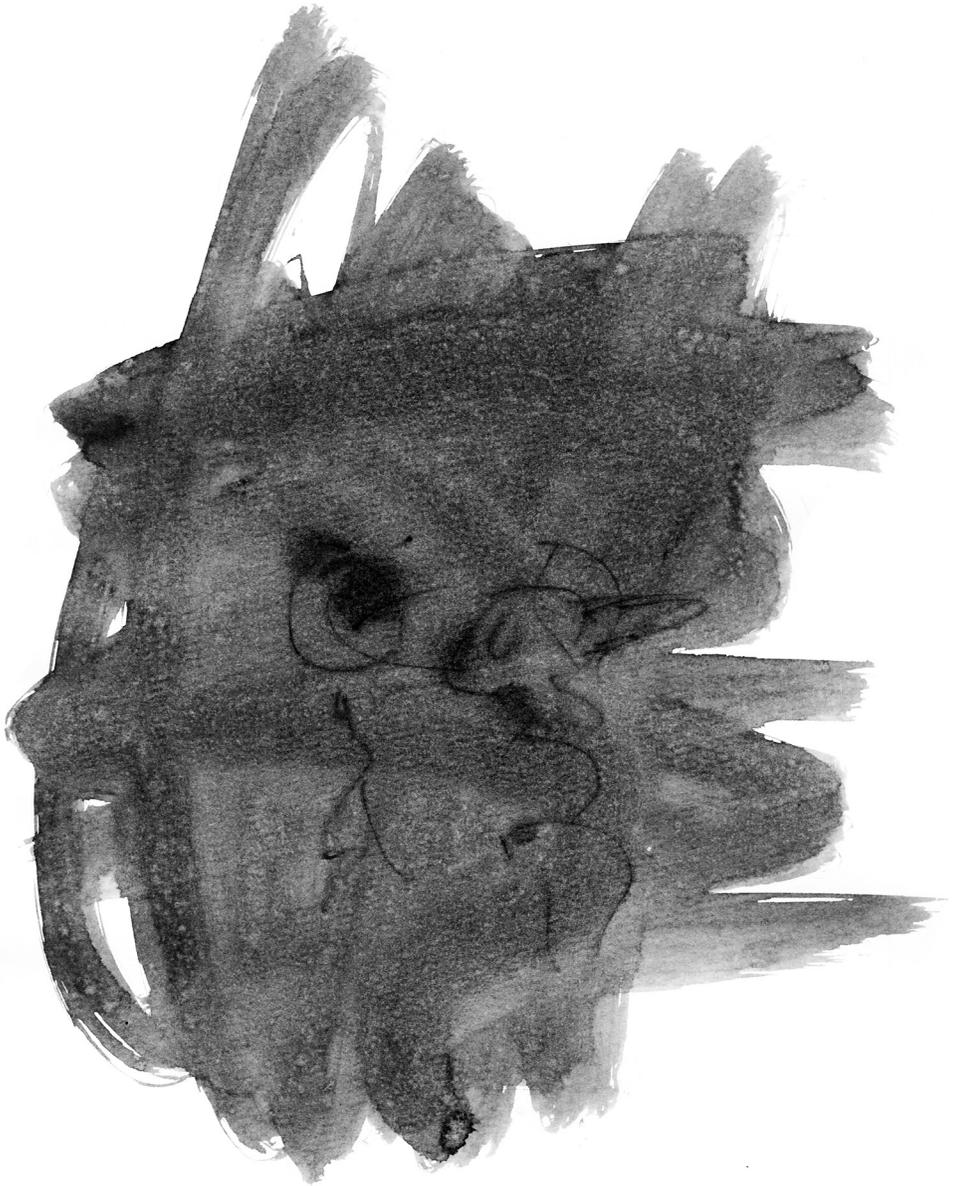
Кры-ыся! Что Сонечка? Не спишь? Не сплю. А сказку расскажешь. Ну давай, был такой рыцарь, который боролся за всех тех, кто не похожи на него, потому что те, кто похожи.... Крыыыыся, ты сложно. Он добрый был, и он был хороший, и когда они захотели, ты спи, Сонька, ты спи.

Доктор Ваугр выключил запись, коснулся чувствилища доктора Рэваббо. Вы что-то понимаете, коллега? Мне кажется, понимаю. Вот, представьте, ррэглы похитили вашу кладку.... Какие ррэглы? Их нет уже тысячелетия! Я гипотетически. И они развиваются в страданиях, им не дают родительской опеки, их не кормят, унижают, мучают, и хотят потом уничтожить. Но зачем? Доктор, вы блистательный специалист в своей области, но каким-то образом зачем-то каждый вид проходит и это. Или не проходит. Они прошли. Эти проходят, пока не прошли. Вы хотите, чтоб я на это смотрел с научным спокойствием? Не смотрите.

В минском гестапо пару месяцев висела шкура неведомого зверя, который принес староста Сарычек. Когда пришли красные, спалили все, в том числе и шкуру.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Я отрежу ногу и руку контрреформатору, кричал их лидер, я отрежу ему хуй, я оторву голову от его поганого тельца! Толпа взывала. Контрреформатор сидел на троне, узурпатор и мерзавец, но умный человек, хотя и ограниченный, и трусливый. Он думал, что ему делать. Подошел мажордом. Ваша Благодсть, сказал он, теперь уж точно пора. Что ж, контрреформатор поежился, включайте. Они включили.

ЛЕЧЕНИЕ

Доктор Транков обещал ей помочь, но вот беда, у нее внезапно кончились деньги, и ей пришлось занять у Рувимчика со всеми вытекающими. Зато потом она наконец расслабилась и даже улыбнулась пару раз, и спасибо вам, Иван Валерианович, говорил она не автоматически, как положено хорошо воспитанной девочке, а вполне от сердца.

СЛУЧАЙ НА ТАБАЧНОЙ ФАБРИКЕ

Дане

Оккупанты располагают одну из частей на территории табачной фабрики, и одна из работниц, фантастическая и роковая красавица, соблазняет офицера. Я чувствую отчетливо во сне невыносимую знакомость сюжета и, даже проснувшись и, поняв о чем речь, не могу отделаться от впечатления, что все равно что-то здесь не то и не так. Может, кого-то убьют не так, а может и не убьют вовсе. Может, там вовсе не табачная фабрика, а что-то иное. Может, это не образы, а живые люди. Мне нечего сказать тут, я пытаюсь опять заснуть, но слезы заливают глаза, и предо мной совсем иные лица, совсем иные сюжеты

НЕУДАЧНЫЕ ПЛАНЫ

Скажи мне, друг мой, небрежно произнес Константин Иванович, не пора ли нам на бал, на партию в вист, а хоть бы и английский клуб, послушать, как Иван Андреевич бурчит животом. Нет, ответил ему с едва заметной усмешкой Михаил Федорович, увы, нет. Что ж так? Мы с тобой всего лишь рабочие модели некой коммуникативной сети, и нас сотрут в ближайшее время. Жаль, вздохнул Константин Иванович, ну, тогда, человек, мозельского!

НЕМНОГО О РАДОСТИ ИМПЕРИАЛИЗМА

Генерал был очень не здоров, но держался бодро. Чрезвычайно интересно было наблюдать, как он реагировал на проход по плацу курсантов: снисходительно и завистливо одновременно, но чтобы осознать эти оттенки чувств генерала, нужно было его хорошо знать. Наследник полагал, что знает генерала хорошо. Он рассчитывал на него. Отец стар и мягок, ему не нужна великая империя. Генерал тоже стар и мягок, но он не откажет наследнику, когда это понадобится, он возглавит те силы, что необходимо бросить на независимую пока Антарктиду.

МИРОТВОРЕЦ

Он шел по полю, ровно по той линии, где, по его расчетам, должна была проходить граница между двумя лагерями. Дошел до пролеска, набрал хворосту, разулся, разжег костер, сел, задумался. Из темноты появились четыре фигуры, генерал тех-то и его адъютант, и генерал тех-то, и его адъютант. Разговор получился бессодержательный, зато супчик сварился над костром ого. Поутру все убили всех, и миротворец отправился дальше.

РЕШАЮЩИЙ ЭПИЗОД ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Девятый год войны не принес ничего нового. Но маршал был при смерти, и юноша-император сам захотел возглавить осаду. Он прибыл в ставку, потребовал прямой связи с враждебным властителем. Да, председатель появился в голографическом облике, вы теперь будете командовать сами? Тогда мне жаль вашу армию. Я вас уничтожу, сказал император, я вас уничтожу, я вас уничтожу, я вас уничтожу. Я подарил бы вам, государь, набор солдатиков, но, боюсь, любой посланный спутник будет сбит, невозмутимо заметил председатель. Я вас уничтожу, я вас уничтожу. Капитан Ф., наблюдая всю эту сцену, пытался думать о садоводстве. Как ведь хороши розы на его планете, как они цветут, как пахнут. Но он одновременно знал, что именно должно через два часа войти в соприкосновение с короной центральной звезды империи, и розы в его душе сразу же увядали. Так нужно, думал он, так нужно. Он не был предателем, так было нужно. По крайней мере, он так думал.

ГОГОЛЕВСКАЯ РЕПЛИКА

Борис Иванович сидел в Большом зале Консерватории. Исполняли Шуберта и Листа. Борис Иванович смотрел со своего балкона на зал: серые мундиры и женщины в серых же костюмах. Надо было одеться иначе, вздрогнув, подумал вдруг Борис Иванович и зачем-то вспомнил, как Коровайцева, и еще вспомнил про своего заместителя. Но затем он погрузился в звуки и ближайшие два часа ничего такого особенного не вспоминал.

БАЛЕТ I

Заслуженный балетмейстер, учительница многих поколений Государственной школы народного танца Н.А. Званцева вышла к сортиру покурить. С соседнего участка ей крикнул дед Андрей: что, Антольна, притомилась. Да, знаешь Андрей Петрович, недобро на душе у меня. Это ниче, сказал дед, чайку попей, а то лучше валерьянки. Ну а то, ночи тебе доброй. И тебе. Она, похрамывая, пошла в сторону избы. Пускай дед заснет, а на соседних участках никого нет, тогда можно будет позвонить Коленьке, и они спокойно закопают этих сучек Пиранову и Кондукову.

МОРГУЛИС БЫЛ НЕ ПРАВ

Кацавейков, Шилов, Моргулис и Минадзе сидели на скале третий день. Собственно, Минадзе и Шилов уже лежали. Кацавейков, спросил Моргулис, они не прилетят? Прилетят, убежденно сказал Кацавейков. А мне вот кажется, что нет. И он, разбежавшись, бросился со скалы. Тут Кацавейков услышал гул. Они прилетели. Моргулис был не прав.

ДИВИЗИИ ГОСПОДА БОГА

Тот анекдот про Сталина и папу римского вы, конечно, помните. А вот другой анекдот. У Ивана Михайловича заболела спина, и он пошел к врачу. А врач ему и говорит: помрете вы, Иван Михайлович, завтра-послезавтра, поэтому теперь давайте-ка напрямую. Снял очки, посмотрел на Ивана Михайловича, а глаза-то мертвые, ледяные. Мы тут процентов на девяносто зомби, сказал доктор, только таких как вы окучиваем, чтоб лишней паники не было. А то пресса, то-се. А теперь и вы, дружок, помираете, так давайте к нам. Ну а там дальше ангел Господень, дальше неинтересно. Интересно, что вы сидите как-то... подбоченясь? Может, к нам?

ЗВУКИ ПРИРОДЫ, РЕЛАКСАЦИЯ, СПОКОЙСТВИЕ

Гурджанов сидел у палатки с Лизой, они ждали, когда с реки вернутся Санек и Пилястрова, пора было уже готовить ужин, да и Гурджанов развел костер. А к вечеру-то все равно холодно, думала Лиза, особенно с ним. Из лесу вышел некто в черном плаще и сказал, что, собственно, наступил конец света, и он готов выступить их адвокатом на суде. Хотите коньяку, спросила Лиза, тот ответил: не пью, прошу покорно извинить. Присаживайтесь, сказал с неожиданной вежливостью Гурджанов. Нет, простите, у меня дела. Так вы согласны? Ну, какие-то вы странные вещи говорите. Мое дело предложить. Он растворился в чаще. Хотя только начинало смеркаться, птицы пели, будто утром, и Лиза наконец обняла Гурджанова. Санька и Пилястровой всё не было.

СЛУЧАЙ В МАГАЗИНЕ

У кассового аппарата сидел Омар. Курянин спросил как бы между делом: а где Зайда? А ее нет, ответил спокойно Омар, ее продали мужу. А, ну пробей кэптен блэк. И вот кефир еще.

РОЗЫГРЫШ

Что у вас нового, потирая руки, спросил доктор. Вот, Валечка обнаружила. Ну-с приступим. Ха. Ха-ха. Как он вообще был жив? Это манекен, доктор, Валя потупилась. Остроумно, сказал доктор, а вы, Грючикова, Павлюкевич и Михайлов уволены. И труп свой заберите.

ДИРИЖАБЛЬ I

На восхитительном дирижабле князь Федор обозревал уголья. Селяне трудились, производство работало. Раздался звонок в передаточной станции. Князь! воззвал мичман Серегин. Слушаю, да, а, да. Да. Да. Да, мой властитель. Да. Ну конечно. Как прикажете. Мичман, капитана ко мне. Появился капитан Кауфман, мы сочувствуем, сказал он. Спасибо, но дядя приказал двигаться на юг. Он хочет потерять теперь уже всех наследников. Государь, сказал Кауфман. Стоп, сказал князь. Стоп, стоп. Рано еще пока. Метановые облака редели, и возникал уже вдалеке шторм. И наблюдали на R-Y_16/87/93, иногда называемой Родина, как летела штука, которую корвиане ещё не видали. Грваы-х`ны? Ргбргт-то р`ны. Они были счастливы. Они сочувствовали.

ВНЕЗАПНАЯ ВСТРЕЧА

А вот сперли шапку, говорит, а кто я без шапки, так, хромой, а с такой-никакой — инвалид труда и войны. Ну, сколько нужно? Денег не надо, не такой я человек. Сидоров? Я присмотрелся и с, да, узнаванием, поднял его, насколько он мог стоять. Товарищ капитан... Да мы, да на Марсе... Он отряхнул куда-то в сторону, рядовой Сидоров выбыл по состоянию здоровья. Не бывает, Ваня, никакого состояния здоровья, ты всегда солдат! Я дал ему десять рублей, он пытался поцеловать ботинок, но я этого не допустил, обнял его, быстро пошел в сторону Парка Бесконечной Победы. Значит, и Сидоров. Я считал в уме. Шаги мои были ровны и четки, протез не подвел.

ФРАГМЕНТЫ ПАМЯТИ, ФРАГМЕНТЫ ДУШИ, ФРАГМЕНТЫ ТЕЛА

У Реконструкцева была поздняя корь, он чуть не помер. Мама потом, в знак радости от выздоровления единственного сына, подарила ему альбом, который он так хотел. Денег ведь и так, и так не было, а тут хоть радость. Он теперь не ходил на физкультуру, а сидел на матах с девчонками и обсуждал мироздание. А тут ему недавно позвонил Толян: Во, чувак, двадцать лет как не было, надо бы как-то того. У Реконструкцева к тому времени отрезали ногу из-за некрозной гангрены, но он был вполне подвижен. Он преподавал историю искусств в Академии им. Шляпкина, что-то иногда писал о сохранении исторического облика столицы. Толян ждал его у кабака, Реконструкцев подполз и увидел изменившееся лицо бывшего одноклассника. Это что такое, пошвыстывая, появился и третий их приятель, Леня Кукувцев, он занимал должность, и это было понятно. Реконструкцев тоскливо оглядел улицу: сплошные люди, ни одного человека, и пошел с одноклассниками в кабак. При этом надо заметить, что количество открытых в галактике водных миров все увеличивается, но вряд ли это было поводом для разговора трех старых друзей.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА СОРОКАЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ

Эльза часто задыхалась в архивах, у нее перед глазами сверкали психоделические круги и вообще так нельзя уже, неужели нельзя все это оцифровать. Но все-таки она нашла тот дневник, который начинался словами «а может быть» и заканчивался словами «но иногда не вполне зря». Теперь она понимала, почему они все погибли, и кто стоял за этим, и кто оплатил это. Но вряд ли она станет это публиковать. Они погибли, а те тоже померли, хоть и сами, а так — кому интересно. Надо вернуться к феодальной собственности XIII века, надо все-таки послушать научного руководителя.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

Тщеславие, тщеславие и тщеславие, думал угрюмый Боренька, пытаюсь читать нечто очередное, но на самом деле рассеянно разглядывая ноги девиц, дефилирующих по Чистопрудному. И это ведь тоже свинство, думал Боренька, я ведь ничего не хочу, вот вообще ничего, просто изображаю желание. У вас найдется прикурить? Подошедший был не то чтобы нетрезв, но как-то в целом создавал ощущение коммунального быта. Я не курю, простите. Что вы читаете, внезапно спросил просивший закурить. Жюстен Конне, «Конец цивилизации». Да, собеседник Бореньки погрузился, это я написал в молодые еще годы. Теперь я думаю иначе. Все я написал, все я. Эх. И, махнув безнадежно рукой, он побрел в сторону Абая, где Боренька в известные годы ровно на этой лавочке просидел всю ночь под мелким дождем, а с кем именно, ему вспоминать было не очень приятно.

СПОСОБЫ РАЗМЫШЛЕНИЙ

Я метафора, думал Костик. Я аллегория, думала Оленька. Их сын лет через семнадцать, поступая в медицинский, думал проще, но проще он думал именно потому, что они думали сложнее. Чиж тоже думал, как бы что тут насекомое съесть, но чижа подстрелил девятилетний Павлик из второго подъезда. Сын Костика и Оленьки, назовем его, например, Андрей Константинович, видел эту сцену, и думал, что надо было тогда заняться не хирургией, а психиатрией. Но это б тоже не помогло. Чиж вот думал ведь что-то, размышлял Андрей Константинович. А дерево оно вот живое, однако ж не думает. Ему не чужды были толстовские идеи, но он был не прав. Дерево думало.

АРКАДИЙ АРТАМОНОВИЧ ЕСТ РЫБУ

Болела голова, болели ноги, школьники были дебилы. Ну нет, восьмой неплох. На лавочке у остановки мужик ел сало с хлебом, запивал тархуном, причмокивал, рыгал. Сесть все равно больше нигде не было, и я сел рядом. Аркадий Артамонович, внезапно подал он мне сальную руку. Я автоматически пожал, Данила Михайлович. Вот ты, Данила, сказал мне солавочник, не знаешь ведь, что есть город Петринск? Нет, не знаю, сказал я вежливо, а вы родом оттуда? Да нет, просто вот есть город Петринск. Тут подъехал мой автобус, и уже из его окна я наблюдал, как Аркадий Артамонович начинает есть рыбу.

ПОХОРОНЫ

Когда мы хоронили Михаила Ивановича, я почти плакал, думал, как же мало сделал-то он. Пили уныло, поминая его, быстро разошлись. Я лег, перегорела лампочка, я хотел перечитать Лакатоса, но как без света-то, поэтому говорил себе наизусть Ходасевича, пока не отрубился. Во сне явился Михаил Иванович, он был с крылами, говорил, что может всех спасти. Я не поверил.

ПОПРАВКА В ИЗОБРАЖЕНИИ

Устало потягиваясь, Ряховец сказал: ну, пока идите, Герасимов. Герасимов вышел из избы. Он ничего не сказал и ничего не подписал, но чувствовал, что теперь все равно навсегда замаран. Было раннее утро, река текла медленно-медленно, скрываясь за холмистым изгибом. Здесь, на этом месте, внезапно подумал Герасимов, хорошо бы поместить пару яблонь. Он стер избу с сидящими внутри майором Ряховцом, писарем и конвоирами, нарисовал яблони. И пошел в сторону реки, что-то насвистывая.

В СТОРОНУ КЛОПЧАКОВ

«Бй, уемна была жля!» — задумчиво сказал незнакомец в ответ на мою просьбу подсказать дорогу на Клопчаки. Дождь едва накрапывал, во всем окружающем чувствовалась окончательная весна.

БЛИЗКОРОДСТВЕННОЕ СКРЕЩИВАНИЕ, ИЛИ О ЧЕМ ПРОМОЛЧАЛ КАВТОРАНГ ГРЯЗЕЛЮБОВ

Федька перевернулся на живот. Пожеывая какую-то травинку, он пытался сосредоточиться то на одной, то на другой мысли, но это никак не удавалось. Послеполуденный жар давно уж сменился предвечерней истомой, а идти куда-то совершенно не возникало не то что желания, но и намека на него. Макарка сидел, упершись спиной о стог, сосредоточенно шурился и внимательно читал книгу «О чем промолчал кавторанг Грязелюбов». Валька стоял, гоняя по ладони какую-то букашку. «Слышь, Валь, — лениво проговорил Федька, — да брось ты эту». «Не, погоди. Эта вот зеленая совсем, я не видал таких ваще, если были зеленые, то в крапинку». «Ну и что с того, мало ли их всяких». «Да ты не сечешь, эту вот я в домике словил, где только желтые были, а они так не любят, чтобы чужие к своим. Найти б целый домик зеленых, перетащить поближе к желтым...» «И что?» «А ниче. Подерутся, может, а может, наоборот». «Это как наоборот?» «Ну, вот эту те со всех сторон обступили и хоботками трогали, а эта сжималась вся. Вот бы посмотреть, как на равных. Я вчера си-них с красными пятнистыми сводил, так они такое творили!» «Какое?» «Не скажу тебе, ты болтать будешь». «А че это я болтать? Вот и Макара тут, он не будет, что ли?» «А он книжку читает, ему эти вообще никак». Макарка и впрямь не прислушивался к разговору друзей. Он видел, как кавторанг Грязелюбов с его верным роботом стояли на гравитационной платформе и смотрели на переливающийся под ней многоцветный океан, скорее даже — некий живой суп, состоящий незнамо из чего, самых различных форм и расцветок. Это нельзя никому рассказывать, думал кавторанг Грязелюбов, так вообще не бывает, вот действительно вообще.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РИТУАЛА

То, что посторонние считали миметическим элементом карго-культа, было для них на самом деле мнемоническим. Они не думали, будто, если все делать правильно, к ним вернуться дары, они не были так глупы; нет, они тренировались, они репетировали, как следует вести себя, когда круг времен разомкнется и они заменят, тех, посторонних, ложных, — в качестве истинных наследников.

ОБ ИСКРЕННОСТИ В МОСТОСТРОЕНИИ

«Мне этот мост кажется каким-то неискренним» — сказал критик Шамкаев филологу Стюпаневичу, когда они неспешно шли в сторону Музея Кавалеристских Атак, на семинар по взнуздыванию. «Соглашусь, — после недолгого раздумия ответил Стюпаневич, — Мне кажется, проектировщик ориентировался на тот слой интеллигенции, которой был нужен паллиатив высокой культуры...» «Не интеллигенции даже, а образованщины, — усмехнулся Шамкаев в начинающие сесть усы, — В то время как подлинно искренние проекты замалчивались...» Они ускорили шаг, но в результате все равно немного опоздали. Уже произносил вступительную речь А.Х. Непетляк.

СТАДИЯ ОБУЧЕНИЯ

Филон выхватил третьего или четвертого, посадил перед собой и сказал: ты будешь видеть многое, из того, к чему не привык. Ты увидишь, как все изменились, и сам изменишься, но от этого тебе не будет легче, потому что они будут меняться быстрее тебя, ты не будешь успевать за ними. Когда ты захочешь остановиться взглядом хоть на чем-то привычном, то, всмотревшись, обнаружишь непереносимые отличия, и самое мучительное будет в том, что разрывы будут постепенны, ты будешь узнавать в искаженных формах знакомые черты, но не сможешь угадать, каковы они будут в следующее мгновение, сохранятся ли вообще, сможешь ли ты хоть вспомнить о том, каковы они были до этого. И это коснется не только предметов и фигур, но и звучания мира вокруг тебя, запахов, тех устойчивых когда-то ориентиров, которые сопровождали тебя прежде. Сама природа памяти изменится, изменится само время, и ты не сможешь определить, в какой момент ты не сможешь этого определить. Единственное, что останется с тобой—невозможность раствориться в этом изменении, невозможность синхронизировать свои движения с движениями других, в которых ты давно уже не сможешь разобрать—другие это или же превращенные в нечто неподобное себе эти. Теперь ступай. Филон тяжело вздохнул и пошел за следующим.

ТЕЗОИМЕНИТСТВА

Тезоименитство Великого Императора праздновалось восемнадцать раз, в честь каждого из святых разных верований, распространенных в Империи и ставших частью полного титульного имени. В честь святого Бонго необходимо было жечь костры и плясать до изнеможения, напившись настойки из гриба куенго. В честь святого Илрирррорра надо было медитировать вниз головой в специальной изолированной от мира капсуле. В честь святого Ллявса надо было поесть коллективно кулябру и горько плакать. В честь святого Оауиоа нужно было, обнажившись и раскрасив все тело сакральными узорами, подняться на холм и размахивать там руками от восхода до заката. Сам Император, как и большинство его подданных, с тяжелой неприязнью относился к празднованию дня святого Рпырба, но отказаться никак не мог, так как единство Империи требовало этого.

БОЛЬЦМАНОВСКИЙ МОЗГ

По весенним лужам и ручьям доносилось тоскливое: ну вот, астрология, ну вот, хиромантия, не то все для меня, никому нет дела, и Путин не зовет, и телепаты не зовут.. Я оглянулся, ожидая увидеть городского кликушу, но никого не обнаружил — лишь буро-серо-зеленую массу глины, песка, грязи и сломанных веток, которую нес самый широкий из ручьев. Голос шел от кучи. Поравнявшись со мной, куча отчетливо произнесла: вам, вот, кажется, можно доверять, скажите, являюсь ли я духовным существом. Конечно да, поспешил я заверить кучу, пораженный: вы ведь мыслите? Уже нет, ответила куча и как-то очень быстро растворилась в ручье.

КРАСОТА ТРАДИЦИИ

На пятый день мальчикам надрезали языки и заставляли сидеть, высунув язык, не давая даже проглотить слюну. С шестого по пятнадцатый день они должны были передвигаться только на четвереньках, говорить между собой им не разрешалось, можно было только в крайне ситуации обратиться к наставникам едва слышным шепотом, и если наставник их не мог услышать, а он всегда делал вид, что не может, их били палками по пяткам и животу. С шестнадцатого дня начиналась лесная часть. Нельзя не восхититься красотой и мудростью обычаев, завещанных этому народу предками, невозможно не содрогнуться при мысли, что эти возвышенные обряды могут смениться бессмысленным своеволием.

ГРАФ УГОЛИНО ЕСТ ДЕТЕЙ

Очень сложно было прекратить все это, где на сцене выводил завершающую песню хор гарпий, некоторые из них летали над залом, а Шумилов, совершенно по-детски пьяный, мирно посапывал на плече умиленной Журавской, а ты говорила что-то на ухо, явно не относящееся к делу, но тут позвонил робот из банка и оказалось восемь утра. Робот не просто умел разговаривать, он говорил бодро и нагло, сообщая нужные, но неприятные подробности. Вообще, за окном происходило какое-то малоосмысленное утро выходного, казалось бы, дня, в который все одновременно, однако ж, решили совершать шумные дела. Думалось про то, что совсем уже того, и хорошо бы опять всех законопатить, но, с другой стороны, сама мысль об удаленных разговорах с невидимыми и неслышимыми учениками наводила такое уныние, что сразу же возникли иные предложения по борьбе с окружающими. Например, пугать их, причем громоздко и несуразно, используя вычурные образы мировой культуры. Колотить во что-то железное временно прекратили, но тем явственней стал детский гомон, разносящийся по всему двору.

GOTT IST TOT

Это был третий уже выход Полуверова в открытый космос. Проверка оборудования, установка нового, рутинная работа. Полуверов привык не отвлекаться от работы, но внезапно его посетила мысль, что сама эта привычка говорит о странной привычности той бездны, в которой он висел, противоестественной обыденности всего, что происходило с ним. Человек космический, думал про себя Полуверов, новые паттерны сознания, двери, так их, восприятия. Что-то блеснуло отразившимся солнечным лучом, буквально на грани зрения. Полуверову показалось, что это был какой-то рукотворный объект. Обломок какого-нибудь мертвого спутника? Нет, движение объекта было плавным, он скрылся по эллиптической орбите за станцией, Полуверов, понимая бессмысленность собственной реакции, с внезапной заинтересованностью ждал, когда объект вновь вынырнет из-за станции — и действительно, что-то опять мелькнуло, тут же развернулось на 180 градусов, пролетев немного, опять развернулось. Эффект Джанибекова, тупо отметил Полуверов. В этот момент объект — Полуверову показалось, что больше всего он похож на обычный заварочный чайник — столкнулся с той самой антенной, которую Полуверов буквально только что отлаживал — и разлетелся на несколько осколков, с тяжелой грацией ночных бабочек унесшихся от станции в бездну. Должны вернуться, подумал Полуверов, черт, опять отлаживать.

СОДЕРЖАНИЕ

Исповедь писаря	4	Шошествие	40
Пловец	5	Приезд	41
Космонавт	6	Хроноклазм	42
Свидание	7	Святость	43
Наблюдатель	8	Бивуак	44
Не рыба	9	Предательство	45
Охотник	10	Казачьи песни	47
Няня	11	Наследник	48
Размышляющий	13	Поиск героя	49
Сам.	14	Договор	50
Дед.	15	Зима близко	51
Штырь	16	Гармония абсолютного разума	52
Увольнение	17	Патриотизм II	53
Гуси	18	Интервью	55
Лапушка	19	Стадия зеркала	56
Восхищение	21	Красота мира	57
Расстрел	22	Сообщение	58
Птички	23	Овраг	59
Династия.	24	Пластик	60
Объяснение	25	Исповедание	61
Песня	26	Три товарища	63
Рысь	27	Выездная сессия	64
Любовь	28	Проблемы редакции перевода	65
Патриотизм I	29	Успехи антарктических экспедиций I	66
Ограничение	31	Успехи приволжских экспедиций I	67
Нисхождение	32	Исповедь I	68
Любовник богини	33	Русская реалистическая проза I	69
Тактика	34	Отмщение	71
Отравленный колодец	35	Эпизод истории астронавтики I	72
Сила воли	36	Учение товарища Трабле	73
Темные углы	37	Запахи, фигурное катание, детство, потенциальная власть	74
СМС	39		

Верное служение	75	Решающий эпизод противостояния	108
Почему я не колядина?	76	Гоголевская реплика	109
Дядя Коля	77	Балет I	111
Судьба пирата	79	Моргулис был не прав	112
Педагогика I	80	Дивизии господ бога	113
Утренние этюды I	81	Звуки природы, релаксация, спокойствие	114
Утренние этюды II	82	Случай в магазине	115
Педагогика II	83	Розыгрыш	116
Мы, рептилии	84	Дирижабль I	117
Правда	85	Внезапная встреча	118
Блюз	87	Фрагменты памяти, фрагменты души, фрагменты тела	119
Эпизод в Северной Родезии	88	Историческая правда сорокалетней давности	121
Карьера	89	Вопросы философии	122
Подготовка	90	Способы размышлений	123
Рассказ, необходимый для успокоения ума и сердца	91	Аркадий Артамонович ест рыбу	124
Совесть	92	Похороны	125
Инструктаж	93	Поправка в изображении	126
Проверка	95	В сторону Клопчаков	127
Монолог I	96	Близкородственное скрещивание, или о чем промолчал кавторанг Грязелюб	128
Из редакторской практики	97	Интерпретация ритуала	129
Ковер	98	Об искренности в мостостроении	131
Парафраз притчи Ватулла из «Мартовских ид» Т. Уайлдера	99	Стадия обучения	132
Спасение	100	Тезоименитства	133
Противостояние	101	Больцмановский мозг	134
Лечение	103	Красота традиции	135
Случай на табачной фабрике	104	Граф Уголино ест детей	136
Неудачные планы	105	Gott ist tot	137
Немного о радости империализма	106		
Миротворец	107		

Издательский проект «всегоничего»
vsegonichegobooks@yandex.ru
+7 (968) 659-72-08

Подписано в печать 25.11.2021
Гарнитуры Oranienbaum, Yanone Kaffeesatz, Old Standard
Бумага офсетная. Дополнительный тираж 50 экз. Заказ № 718

Типография «Белый ветер»
115054, Москва, ул. Щипок, д. 28
8 (495) 651-84-56
www.wvprint.ru